

УДК 008

**ДИАЛЕКТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И КРИЗИСА
ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ***О.В. Тихонов***Аннотация**

Статья посвящена кризису идентичности как состоянию современного общества. Автором прослежена история становления феномена идентичности и выделены комплексы причин кризиса идентичности, связанные с процессами индивидуализации и глобализации общества.

Ключевые слова: идентичность, кризис идентичности, постмодернизм, индивидуализация, глобализация.

Проблемы самоопределения и самоидентификации оказываются тесно связанными с социальным устройством и с теми изменениями, которые происходят в структуре общества. Именно поэтому появление феномена идентичности, равно как и наделение его статусом проблемы – следствие тех изменений, которые происходят с человеком и обществом в XX веке. Более того, с момента своего появления в гуманитарном дискурсе идентичность наделяется статусом феномена, находящегося в состоянии кризиса.

Понятие «кризис идентичности» было введено в употребление Э. Эриксоном, который утверждал, что на протяжении своей жизни человек проходит через ряд психосоциальных кризисов. Становление идентичности индивида проходит через восемь жизненных стадий, в момент перехода приобретаются новые качества и по мере необходимости отбрасываются старые. Таким образом, кризис идентичности Эриксон определяет как конфликт между сложившейся стадией идентичности и тем способом, каким эта стадия осуществляет взаимодействие с окружающим миром [1, с. 11]. Одним из внутренних конфликтов современного человека является неспособность выработать адекватную модель взаимодействия между интересом личности и интересом других личностей. Иными словами, в человеке одновременно существуют два желания: быть в обществе и быть свободным от общества.

По мере вхождения понятия «кризис идентичности» в научный оборот оно начинает употребляться в самом широком контексте, но так или иначе им затрагивается проблема взаимодействия человека и общества. Особенностью современности является выход проблемы кризиса идентичности за рамки научного её осмысления. На сегодняшний день вопрос «Кто я такой?» возникает у каждого человека на уровне обыденного сознания, и каждый человек испытывает все

последствия сложности ответа на него. Массовая неудовлетворённость, сопровождаемая чувствами страха, тревоги и неуверенности в завтрашнем дне, относится к числу разрушительных воздействий, оказываемых этой проблемой на человека. Современный человек может быть осмыслен как набор порой не связанных фрагментов идентичности, соотнесённых с локально-историческими и культурными обстоятельствами. Идентичность для современного человека представляется своеобразным нарядом, который он может переменить в зависимости от конъюнктуры (утром – служащий банка, вечером – байкер, перешёл из христианства в буддизм, а затем обратно). А.О. Морозов определяет подобную ситуацию как растекание идентичности по горизонтали: «Растекаясь по горизонтали, т. е. пребывая одновременно во многих ячейках социальных сетей, идентичность личности, тем не менее, сохраняется. Возможно, главный момент заключён именно в том, что, хотя “границы допустимого” с точки зрения сохранения целостности личности значительно расширились, мы являемся свидетелями выработки нового каркаса идентичности» [2, с. 328–329].

Если обратиться к истории проблемы идентичности, то станет очевидно, что процессы установления самоидентичности и самотипизации возникают при переходе от традиционного общества к индустриальному. Общество традиционного типа с его ясным и недвусмысленным устройством давало индивиду такое же ясное и недвусмысленное понимание своего места. П. Бергер и Т. Лукман в своей работе «Конструирование социальной реальности» приводят в пример общество средних веков, где «каждый чуть ли не является тем, за кого его принимают. В таком обществе идентичности легко узнаваемы, как объективно, так и субъективно. Всякий знает про всякого, кем является другой и он сам. Рыцарь является рыцарем, а крестьянин – крестьянином, как для других, так и для себя самого» [3, с. 265].

По мере усложнения общественной структуры и увеличения объемов информации, приходящихся на конкретного индивида, начинают прорисовываться контуры проблемы идентичности. Переход от простой и прозрачной структуры традиционного общества к сложной системе социальных институтов ставит перед индивидом новую задачу. Если в традиционном обществе мир человека совпадал с Миром и являл собой единое целое, индустриальное общество, дифференцируя Мир, вынуждает человека частично быть представленным на различных уровнях общественного устройства. Крестьянин был крестьянином как на пашне, так и дома, как перед помещиком, так и перед своей женой. В то время как рабочий является представителем определённого класса, военнообязанным, христианином, отцом семейства и т. д. Иными словами, человеку в течение жизни приходится играть множество социальных ролей, каждая из которых потенциально может быть основанием для самоидентификации, результатом этой игры является потеря единого основания для идентичности. Перед человеком встаёт вопрос о том, какая из ролей является его действительным «Я», какая из множества усвоенных им моделей идентичности является «настоящей». Эти противоречия были осмыслены в рамках классической философской мысли. Поиски единого основания, позволяющего человеку оставаться самотождественной личностью перед лицом усложняющейся социальной реальности, подвели исследователей к выработке такого концепта, как «сознание, тождественное себе». Иными

словами, каждый человек является носителем уникального и индивидуального осознания своего единства в различные моменты жизненного процесса. Джон Локк писал: «Одну и ту же личность образует не одна и та же субстанция, а одно и то же непрерывное сознание» [4, с. 16]. Таким образом, человек из представителя сообщества превращается в субъекта различного рода процессов. Гарантом его собранности и единства становится персональный разум.

Среди изменений, обусловленных переходом от традиционного общества к обществу современного типа, стоит также отметить индивидуализацию индивида. Зигмунт Бауман отмечает, что изначальное назначение индивидуализации – высвобождение индивида из «плотной ткани зависимости, надзора и принуждения» [5, с. 38]. Превращение человека в субъекта, пестующего свою индивидуальность, было вызвано социально-экономическими особенностями современного общества. Абстрагирование и усложнение властных отношений, проявляющееся в формировании социальных институтов, и анонимизация трудового процесса приводят к возникновению человека нового типа, свободного от традиционных ценностей, во всем полагающегося на свой индивидуальный разум и действующего из соображений собственной выгоды. «Буржуазно-промышленная революция постепенно избавляет индивида от повязанности религиозными, моральными, семейными структурами, он обретает свободу де-юре в качестве человека, но де-факто – лишь в качестве рабочей силы, то есть свободу продавать себя как рабочую силу» [6, с. 23].

В общем виде под индивидуализацией в контексте теории идентичности понимается переход от заданной идентичности к идентичности найденной. Иными словами, если в традиционном обществе идентичность индивиду даётся самим фактом рождения, то в индустриальном обществе индивид должен обрести свою идентичность. Например, феномен класса, пришедший на смену средневековому сословию, главным образом отличался тем, что требовал от индивида личного участия, то есть если принадлежность к сословию была обусловлена фактом рождения, то принадлежность к классу нужно было доказывать личными достижениями [5, с. 40]. Таким образом, весь груз идентификации ложится на плечи самого человека. Однако общество не устраняется от участия в процессе формирования идентичности индивида. Социальная структура современного общества, предоставляя необходимые механизмы для включения индивида в общество, не препятствовала проявлению его индивидуальных качеств. В результате индивид, занимая место в каком-либо социальном классе, мог проявить свою индивидуальность (в рамках этого класса), не вступая в конфликт с обществом. Иными словами, индивидуализация, будучи жизненным проектом актуализации возможностей конкретного человека, предлагается (навязывается) обществом. Именно за счёт этого взаимовлияния достигалась относительная стабильность идентичности человека, равно как и стабильность общественного устройства.

Дальнейшее развитие индустриального общества и переход к постмодернистской парадигме мышления приводят к ещё большему усложнению социальной структуры и, как следствие, к нарастающему конфликту человека с самим собой. Механизмы индивидуализации (в их модернистском понимании) более не справляются с поставленной перед ними задачей вследствие их обесмысливания. Гарантом целостности индивида (как личности и как гражданина)

индустриального общества выступала классовая структура. По мере симулякризации социальной реальности девальвируется и феномен класса как стержня идентичности. Современная нам социальная реальность не предоставляет индивиду адекватного «пристанища». «Нет никаких “ниш” для “восстановления принадлежности”, и такие ниши, как можно предположить, оказываются хрупкими и часто исчезают прежде, чем заканчивается “восстановление принадлежности”» [5, с. 41]. Человек обрекается на бесконечную индивидуализацию без надежды на «восстановление принадлежности».

Обесценивание социальных и политических идеалов приводит к той форме индивидуализма, с которой мы знакомы сегодня. Современный человек, уверившись в своей силе влиять на ход общественных процессов, всё больше внимания обращает на преодоление психологических проблем своего Я и на уход за телом, убеждая себя в значимости психологического роста и развития, тратя всё больше времени на посещение спа-салонов, увлечение дзен-буддизмом и холотропным дыханием и т. д. Американский исследователь Кристофер Лэш назвал эту форму индивидуализма нарциссизмом. По его мнению, нарциссизм стал основной моделью отношения современного человека как к себе, так и к обществу [7, р. 61]. Жиль Липовецки характеризует нарциссизм как индивидуализм, «освобождённый от последних социальных и моральных ценностей, которые ещё существовали вместе со славной эпохой homo economicus, семьи, революции и искусства, свободный от всяческого преходящего окружения; сама частная сфера меняется, поскольку она находится во власти одних лишь меняющихся желаний индивида» [8, с. 78]. В результате отдельный индивид теперь без оглядки на социум строит свою жизнь. В общей своей массе люди перестали обращать внимание на регулирующие механизмы общества, направленные на «усмирение» индивидуализма и соблюдение паритета между частной и общественной жизнью (в условиях современности проявляется лояльность общества в отношении принадлежности к социальным группам и в то же время растёт личная от них независимость). На открытии очередного всемирного экономического форума в Давосе в 2003 г. федеральный президент Швейцарии Паскаль Кушпэ заявил, что «индивидуализация общества сделала многих людей свободными, однако превратила их в безответственных индивидуумов» [9].

На сегодняшний день существует множество сценариев развития общества, испытывающего кризис идентичности. Самые мрачные и алармистские предупреждают «страх не только перед будущим, но и перед каждой минутой настоящего. Возможно соскальзывание к различного рода системам политического тоталитаризма на основе достижений информационной цивилизации и дальше, назад – к “новому средневековью”» [10]. Подобные прогнозы появляются вследствие отсутствия у общества и человека готовой стратегии по противостоянию искомому «катаклизму». Кризис идентичности, будучи логическим следствием развития общества, не может быть просто снят (например, путём возврата к традиционному обществу). Желание вернуться в «старые добрые времена», где всё просто и понятно, можно объяснить неподготовленностью человека к реалиям современности. Например, в условиях нарастающей глобализации в сфере как экономики, так и политики проявляются тенденции по становлению единого культурного пространства, где роль национальных различий носит

поверхностный характер. В.Л. Иноземцев замечает: «По большому счёту никто не живёт теперь в Соединённых Штатах, Германии, Франции или Российской Федерации. Мы все – такие же граждане единого мира, как и обитатели бразильских фавел, зимбабвийские крестьяне, афганские возделыватели опийных полей и бойцы иракского сопротивления. Нам некуда бежать с нашей общей планеты» [11]. В повседневной практике людей ответом на это следствие глобализации становится интерес к национальной (локальной) культуре (традиции, обряды, обычаи и т. д.). Иными словами, глобализация неразрывно связана с локализацией, подразумевающей поиск тех самых авторитетов, которые столь необходимы для подавления чувства тревоги в условиях кризиса идентичности. Однако, будучи найденными, эти авторитеты превращаются лишь в одну из многих возможностей для идентификации.

Стоит отметить, что в категории идентичности изначально заложен элемент кризисности, ведь она «выступает суррогатом сообщества, естественного обитателя, которое более недоступно в быстро приватизируемом и индивидуализируемом, стремительно глобализирующемся мире, и поэтому она может представляться в виде удобного прибежища, обеспечивающего безопасность и уверенность и поэтому столь желанного» [12, с. 176]. В свою очередь, Э. Эриксон отметил: «Развитие человека не начинается и не заканчивается идентичностью: сама идентичность для зрелого человека становится относительной», а преодолённый кризис идентичности позволяет «по-настоящему достичь действительной индивидуальности и одновременно шагнуть за её пределы» [13, с. 51]. Кризис идентичности, таким образом, есть лишь ступень в развитии, хотя и сопровождаемая тяжёлыми осложнениями, ведущая к выработке следующей, более гибкой модели взаимоотношений человека с самим собой и обществом.

Summary

O.V. Tikhonov. The Dialectics of Identity and Identity Crisis in the Context of Global Sociocultural Transformations.

The article is devoted to the identity crisis as a state of the modern society. We trace the history of formation of the identity phenomenon and reveal complexes of the reasons for the identity crisis which are connected with the processes of individualization and globalization of the society.

Key words: identity, identity crisis, postmodernism, individualization, globalization.

Литература

1. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.
2. Морозов А.О. Четвертая секуляризация // Глобализация и столкновение идентичностей. Междунар. интернет-конф. 24 февр. – 14 марта 2003 г.: Сб. материалов / Под ред. А. Журавского, К. Костюкова. – М., 2003. – С. 325–332.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Локк Дж. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – 621 с.
5. Бауман З. Текущая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

6. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М.: Рудомино, 2001. – 218 с.
7. *Lasch С.* The Culture of Narcissism. – N. Y.: Warner Books, 1979. – 304 p.
8. *Липовецки Ж.* Эра Пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 330 с.
9. В Давосе открылся Всемирный экономический форум. – URL: <http://rian.ru/economy/20030123/304636.html>, свободный.
10. *Римский В.* Проблемы этнокультурной идентичности личности в контексте глобализационных сценариев. – URL: <http://phenomen.ru/public/journal.php?article=24>, свободный.
11. *Иноземцев В.Л.* От редактора // Le Monde Diplomatique. Русское издание. – 2006. – № 2. – С. 1.
12. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
13. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.

Поступила в редакцию
14.11.11

Тихонов Олег Викторович – аспирант кафедры общей философии Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: Oleg.tihonov87@gmail.com